

Ольга

Ротару

ЮПИТЕР

Рассказ

В конюшне его ставить боялись.

– Как бы чего не вышло, – сказал бригадир по животноводству Толька Бурый и велел обшить досками отдельный станок в коровнике.

...В целинный совхоз, куда я приехала по распределению работать главным ветврачом, его привезли по команде отставного генерала Ефима Андреевича Белоногова. Привезли на племя, но редко использовали по назначению. Он застоялся без прогулок и, конечно, мечтал о встречном ветре в вольной степи, о бешеном самозабвенном беге, когда от тугого воздуха расправляется грудь, и каждый мускул натянут упруго, трепетно раздуваются ноздри от ощущения своей силы, и кровь бешено пульсирует в жилах. Тогда рождается чувство полета, свободы. Весь смысл его жизни – в этом ощущении полета. Редкие прогулки в поводу не приносили лошади радости, раздражали. Жеребец нервничал, пугал конюха, – вдруг вырвется и убежит, а лошадь-то дорогая. Жизнь в станке протекала спокойно, медленно, и это было мучительно. Он не хотел мириться с судьбой, буйствовал, метался по станку, грыз ясли, ржал, рвал повод. Но человек, даже самый дрянной и ничтожный, всегда господин для животного, властелин его судьбы.

Меня сразу предупредили о его необузданном нраве. Но я всегда была равнодушна к лошадям, и дурная слава племенного жеребца только подогрела интерес. У нас это в крови – страсть к коням, к быстрой езде. Отец – русский казак, в трехлетнем возрасте был посажен в седло. Он вырос с лошадьми. Мать тоже на своем веку повидала всяких коней. Бывало, ездила на таких, на которых не всякий мужчина сесть отважится, особенно, когда работала в погранотряде ветеринарным фельдшером. Там лошади незаменимы: на чем же еще поедешь на отгон, через горы, покрытые непроходимым лесом. Кони всегда были ее друзьями, чувствовали ее строгую доброжелательность и платили преданностью. Работа ее тогда была полна суровой романтики, опасностей, неожиданностей и риска. Изредка, когда я особенно настойчиво одолевала ее просьбами, брала с собою и меня. На всю жизнь запомнились ночевки в лесу у костра, поездки в санях по едва приметной дороге среди заснеженных гор. С лошадьми связаны самые дорогие воспоминания детства. Как же устоять перед искушением познакомиться с норовистым Юпитером?

И вот, несмотря на уговоры бригадира, я направляюсь к станку с лошастью. Пока открывали дверь, подпертую для надежности оглоблей, было слышно, как конь беспокойно топает по станку. Вхожу внутрь: великолепный, в серых яблоках орловский рысак, чистой голубой крови, конь-аристократ смотрит

на меня в упор влажными грустными глазами и перебирает ногами. Поднял правую переднюю, скребнул копытом по полу, раздувая ноздри. Он не привязан.

– Опять оборвал повод, проклятый, – Толька Бурый стоит в дверях и зло щурится на коня, – У-у, зверь!

– Юпитер, Юпитер, – позвала я и шагнула вперед.

Конь стоит. Протягиваю руку ладонью вверх. Он чуть наклонил гордую красивую голову и осторожно понюхал воздух. Обследовал халат, пахнущий телятами, которых я лечила утром, брезгливо дернул ноздрями и отвернулся. Однако хватило его ненадолго – все-таки, новое знакомство. А в его скудной на события жизни пренебрегать этим не приходится. Он снова вопросительно посмотрел на меня и позволил погладить по щеке, требовательно мотнул головой, ткнулся губами в мое плечо, легонько потянул зубами за рукав. Испуганно охнул кто-то из доярок, которых Толька поманил пальцем посмотреть на потеху.

– Да он чего-нибудь вкусенького просит, – с некоторой досадой ответила я. – Разве вы не видите?

– Ага, дай ему конфетку, а он тебе зубы выбьет.

Я отправилась в ветпункт и вскоре вернулась. Протягиваю глюкозу на ладошке. Юпитер подозрительно нюхает незнакомый порошок с непонятным запахом. Настороженно водит ушами и, наконец, сердито приложив их, стал отступать. Я потихоньку иду за ним, настойчиво предлагая лакомство. Конь, вздрагивая всей кожей, пятится, чуть оголив зубы.

– Ну, бери, дурачок, вкуснятина. Чего боишься?

То ли голос на него подействовал успокоительно, то ли любопытство верх взяло – еще раз обнюхав руку, Юпитер взял губами самую малость, пососал. Потянулся еще. Я торжествовала: контакт установлен! Конь доверяет мне! Мигом вся ладонь вылизана. Только бригадир недовольно ворчит и произносит что-то очень скверное в адрес лошади.

На следующий день я захватила с собой сахара, и краюху хлеба с солью. Мама, работающая в этом же совхозе ветфельдшером, заворачивая хлеб, наказывала: «Смотри, чтобы соль с хлеба не обсыпалась, солёный для лошадей – вкуснее». Они с отцом уже заранее прониклись симпатией к Юпитеру, после моего рассказа и радовались тому, что у меня будет выездная лошадь, им не терпелось посмотреть на рысака и попробовать его под седлом.

На этот раз Юпитер не заставил себя уговаривать: деликатно, едва касаясь руки мягкими губами, брал кусочки сахара, с аппетитом жевал хлеб. Потом позволил себя почистить, отчего серые круги на его боках проступили еще ярче.

– Ты красивый, удивительно красивый конь.

Юпитер снисходительно фыркает и горделиво выгибает шею. Кожа у него великолепная – с блестящей, шелковистой на ощупь шерстью, а прославленные яблоки, свойственные только орловским рысакам, почти правильной геометрической формы. Я с удовольствием похлопываю его по выпуклой груди, по шее. Странное, неповторимое чувство испытывает человек, глядя по шерсти, трогая упругие мышцы доверчивого животного. В такие моменты как-то подсознательно приобщаешься к загадочному миру этих удивительных существ, чувствуешь великое единение всего живого на земле.

– Ну, наверное, займемся копытами? – спросила я Юпитера, и потянула за щетку правой задней ноги. – Дай ногу! Ногу!

Юпитер переступил и, подумав немного, послушно приподнял копыто. Конечно же, оно заросло, никто не прикасался к нему, не чистил. Я сходила в

ветпункт за копытным ножом и принялась за дело. Прибежал Толька Бурый и уставился на меня ошарашено, хмыкнул, не раскрывая рта, – лишился дара речи. Юпитер, насторожился, отобрал у меня ногу, зло приложил уши к затылку, напрыгся. Ноздри раздулись.

– Убьет – не отвечаю! – наконец, хрипло выдал Толька.

– Да, нет, ничего не будет, – успокоила я его, – он почему-то на вас злится. Я с ним справлюсь. Он добрый, только горячий, но это же жеребец! У него и должен быть характер!

Толька скривил губы и, резко повернувшись, пошел прочь. Обращаясь к дояркам, обронил на ходу:

– Наша ветеринарша-то того, – он покрутил пальцем у виска, – она без станка этому варвару копыта чистит.

Доярки потом рассказывали мне, что Толька бил Юпитера ремнем и даже пряжкой за строптивость. Конь запомнил обиду и, когда тот попробовал поесть на нем, сбросил. Потом каждый раз, как только Толька пытался подойти к рысаку, он бил и задними, и передними ногами, злобно скалил зубы, стараясь укусить. Поэтому Бурый терпеть не мог жеребца и все норовил устроить ему какую-нибудь пакость.

После расчистки копыт нельзя сразу гонять лошадей, и я с трудом дождалась, когда можно стало сесть на Юпитера – не терпелось проверить под седлом. Наконец, вывожу его на улицу, седлаю. Седло удобное, неглубокое с высокой подушкой, набитой стружками. Толька Бурый тут как тут. Скотники придерживают уздечку, а Юпитер нервно топчется, фыркает на Тольку. Я строго прикрикиваю на коня, чтобы не баловал. Он прядет ушами, весь дрожит от возбуждения, от желания бежать. Я быстро глажу его по шее, по лбу и, едва касаюсь ногой стремени, он с места рвет в галоп. Правую ногу перекидываю через седло уже на ходу. Бурый отскакивает в сторону, едва удержавшись на ногах – одуревший, почуявший свободу конь, задел его грудью. Начинаю отпускать повод, натянутый до предела. Даю Юпитеру волю, пусть выложится – застоялся. Ветер упирается в грудь, шумит в ушах, я почти ложусь на шею коня и отдаюсь гипнозу движения. Движение опьяняет меня, опьяняет лошадь. Вот уже пена летит клочьями с оскаленной морды, белеет на боках, груди.

– Хр, хр, хр, – вырывается из горла у Юпитера, а ноги перебирают все чаще. Копыта четко выстукивают ритм. Мелькает степь по сторонам дороги – зеленая, радостная, обильно усыпанная огромным красными полянами майских тюльпанов. А тюльпаны в целинной степи особенные: крупные, пронзительно – яркие и удивительно праздничные...

Начинаю придерживать Юпитера, перевожу на рысь, негоже рысаку все время скакать галопом, поворачиваю назад – на сегодня хватит. После застоя много гонять нельзя. Перед самой фермой еду шагом, потом немного вожу в поводу, завожу в станок, обтираю потные бока плотным жгутом из сена.

С этого дня я твердо знаю – это мой конь. Юпитер не покорился, нет, он просто подружился со мной. Однако закрепить его за собой документально как выездную лошадь было непросто.

– У вас есть машина, – парировала все мои доводы зоотехник отделения Анна Степняк, которую я застала утром следующего дня в конторе отделения, тут же сидит ее подруга, главный зоотехник совхоза Людмила Ярцева, и Толька Бурый, который тоже дружил с ними.

– Мне лошадь нужна, – говорю, – ведь машина не везде пройдет, и не во всякую погоду!

– Конь дорогой, племенной. Если что случится, отвечать будете, – возражает Людмила.

– Да ведь застаивается рысак, – удивляюсь упорству зоотехников.

– Ну его, пусть себе стоит.

– Рысака гонять надо, иначе потеряет племенные качества, – пытаюсь преодолеть противостояние, – от него же будут рождаться клячи!

Людмила Ярцева – моя ровесница. Красивое лицо ее дружелюбно улыбается только в уголках четко очерченных губ, да в больших круглых голубых глазах мелькает что-то едва уловимое, неприметное, ехидно-насмешливое. Это что-то тревожит, вонзается в сознание мелкой досадной занозой, смутным ощущением потаенной угрозы, возможных неприятностей и осложнений для меня и для Юпитера.

– На лошади надо ездить, для того она и существует, вы же с Анной Николаевной и бригадиром Марсианку гоняете! Ваше упорство – против здравого смысла.

– Ну, вот и возьми Марсианку, – отвечает Людмила, но я чувствую: ей надоело пререкаться.

Марсианка – кобылица, тоже орловская, рысистая, она красива почти так же, как Юпитер, только шея у нее чуть прямее. Она более смиренная, неплохо ходит под седлом и в упряжи, особенно хороша в санях. Но рысь у нее резковата. Про таких лошадей коноводы обычно говорят – «толкёт». Это значит, что трясет. Обычно от такой езды седок быстро устает, а новичок и вовсе чувствует себя разбитым. Я общалась с Марсианкой, пробовала под седлом. Лошадка славная, спокойная, но для верховой езды мне не подходит. Вот у Юпитера рысь мягкая, плавная, шаг размашистый, Ноги он чуть заносит в сторону. Так можно ехать десятки километров. Я решительно отказываюсь от Марсианки.

– Ладно, – первой сдаётся, наконец, Анна. Бесформенные толстые губы ее складываются в недовольную трубочку, полное лицо дышит неприязнью и непониманием.

– Но ведь он мужиков убивает!

Она растерянно замолкает, и я чувствую: по-бабьи ей немного жаль меня, и еще – презирает, считает человеком странным, с «вывихами» и «заходами». Но главное – боится лишних хлопот и беспокойства.

– Да ведь я не буду бить его по морде. А мужики – бьют. Вот он их и сбрасывает. Конь же чистокровный, гордый, нельзя с ним так. Он благородный, лошадиный дворянин.

Зоотехники переглядываются и дружно смеются. Толька хохочет громче всех. Даже слезы выступили. Он вытирает их и охает, машет рукой:

– Да пусть покатается, на благородном, – и с издевкой смотрит на меня.

Теперь я могла попасть в любое отделение и в зимнюю непогоду, когда совхозные машины-вездеходы пробуксовывают где-нибудь в балке, в рыхлом снегу, или осенью в грязи. Юпитер не «буксовал» на зависть шоферам. Он быстренько довозил меня, куда нужно. Часто я ездила на нем и на обед. Он сразу завоевал расположение домашних. Мать души в нем не чаяла, отец тоже старался побаловать сладостями. Они оба попробовали его под седлом и в один голос заявили: конь отменный. А отец добавил: седло отличное, почти казачье.

Совхозные мальчишки вначале свистели мне вслед и дразнились, но вскоре не выдержали – попросили разрешения потрогать коня, погладить, прокатить на нем. Юпитер сердился. Ему не нравилась шумная кампания, оживленно жестикулирующая и громко орущая. Пришлось объяснять, что лошади не лю-

бят этого. Когда поняли, поутихли, и я разрешала им чистить Юпитера. Они помогали купать его в речушке, которая летом едва дышала, но не пересыхала. Купаться он любил. Снисходительно принимал ребячье поклонение, конфеты, корки хлеба, которыми вечно были набиты карманы его мальчишечьей свиты. Иногда я водила его в поводу, катая по очереди сорванцов, которые вели себя тихо, опасаясь лишиться удовольствия, которое случалось не столь часто, как им хотелось бы. А разговоров и хвастовства хватало надолго.

Когда я в первый раз поехала на свинарник через центральную усадьбу мимо конторы, чтобы заскочить в нее и сдать заявку на медикаменты, бухгалтера, экономиста и все конторские работники, предупрежденные Толькой, как только я, спешивалась, привязала Юпитера, дружной толпой вывалили на крыльцо. Всем любопытно было посмотреть, бросить реплику. Позвали и генерала. Когда ему доложили, что я выбрала именно эту лошадь, он сказал: «Сдурела. Совсем сдурела!» И велел механизаторам, которые были в этот момент у него в кабинете: «Остановите! Убьет же!» Но, почуяв неладное, я немедленно исчезла вместе с лошадью – словно ветром сдуло. Когда генерал вышел вслед за механизатором, я была далеко.

Потом Ефим Андреевич примирился с моими «причудами». Человек он был необыкновенный: добрый и отзывчивый, держался очень просто, несмотря на генеральский чин и звание Героя Советского Союза. Его любили, звали «наш генерал» и еще – «наш дед». В кабинет рабочие заходили запросто, без доклада через секретаршу. Ходили к нему охотно, и по делу, и по личным вопросам. Его звали на свадьбы, на крестины. Без него торжество считалось неполным. А когда был строг и сердит – не обижались, знали – за дело. Меня он иногда по-отечески воспитывал: «Нервы в узде держать надо. Я двадцать пять лет прослужил, всякого навидался, а не истерю ни по поводу, ни тем более – без. А вот тебе бы не прослужить и пяти: слишком горяча, вспыльчива. Но может и пройдет это у тебя». И, усмехаясь, добавлял: «Вместе с молодостью».

Новость хороша, пока свежа, и вскоре, к великому моему облегчению, появление на рысаке перестало быть сенсацией. Конь заметно повеселел. Его скучное беспросветное существование сменилось настоящей лошадиной жизнью. Бегу Юпитер предавался самозабвенно. Иногда я уезжала на нем далеко в степь, без дороги. И тогда все вокруг переставало существовать: дневные передряги и неприятности, связанные с работой, личные проблемы. Все отступало и растворялось в степи. Только мы с Юпитером и степь – пространство всегда загадочное, всегда манящее. И ни с чем несравнимое ощущение бега-полета, праздника!

Однажды произошел случай, который, позволил мне убедиться в лошадиной преданности. Я приехала на свиноферму и, привязав Юпитера, ушла в базу. Вскоре на Марсиянке, запряженной в сани, приехал Толька Бурый с Анной. Как всякий нормальный жеребец, Юпитер разволновался, почуяв кобылицу. Выхожу из базы и вижу: Юпитер встал на дыбы, натянул повод, а вокруг собрались трактористы, которые обычно развозят корма по базам, и скотники. Толька пошел, было, к жеребцу, но лишь больше разозлил его. Юпитер замахал в воздухе передними копытами.

– Надо кому-то сесть на него, – крикнула Анна, – в поводу не удержать, надо увести его скорей отсюда.

– Ладно, – отвечаю, – попробую уехать на нем, а вы скорее уезжайте на Марсиянке на дальнюю базу. Анна кидается к саням, а я – к рысаку.

– Юпитер, Юпитер, не балуй!

Только он поставил передние ноги на снег, я схватила за повод, пытаюсь взяться за уздечку, но он, бешено водя глазами, задрал голову. А рост у него высокий, и я повисла на поводке.

– Помогайте же, – крикнула я зрителям, – мне бы только сесть! Четверо дюжих мужиков повисли с двух сторон, держась за повод, который кто-то из скотников успел отвязать. Уздечка порвалась. Кое-как связали. Юпитер протасил нас по снегу, дрожа от возмущения. Я разозлилась, но ударить его не могла, да и нелзя было. Только покрикивала: «Не балуй!» Ухватившись за гриву, прыгнула в стремя. Юпитер рванулся, и помощники попадали в снег, кто-то успел закинуть мне повод.

– Держись крепче, не то убьет – кричали вслед.

– За гриву, за гриву держись!

Дальше я уже не слышала. Снежная пыль летела из-под копыт. Узел на уздечке начал расползаться, удила выскочили изо рта рысака. Он стал неуправляемым. Повод был в руках, но что толку! – Хр-хр, хр-хр, – всхрапывал Юпитер.

Бока его вскоре взмылились. Оставалось только ждать, когда успокоится. Я похлопывала его по шее, говорила что-то успокоительное. Наконец, ему надоело таскать меня по снежному полю. С бешеного галопа конь перешел на рысь. Вот он уже слушает команды и повернул в нужном направлении – в сторону коровника, в котором находится его станок.

– Тпру-у, – уговариваю я его, поглаживая по шее. Конь сбавляет шаг. Вот и дома. Спрыгиваю и скорее бегу за сеном, скручиваю жгут и уже в станке растираю досуха бока, грудь – всего коня.

Иду домой и думаю: хорошо дружить с лошадьми и вообще – с животными – они не переступают роковой черты, не предают. У меня в распоряжении была только грива, и Юпитер мог бы меня сбросить, если бы взвился на дыбы или кинул задом, но он этого не сделал.

Несмотря на преданность мне, в силу своего характера и неумного темперамента, он иногда подкидывал мне сюрпризы. Однажды рысак «опозорил» меня в глазах своего лютого врага – Бурого. Я выехала из поселка на ферму, а Юпитеру почему-то захотелось в другую сторону, и он свернул с дороги. Я не торопилась и уступила, не подозревая подвоха. Конь забрался поглубже в снег и рванул рысью. Не завязанная кроличья шапка свалилась, а мороз был приличный. Пришлось остановиться и вернуться за ней. Вот тут-то Юпитер и выкинул фокус: не дал сесть. Снег был глубокий, валенки вязли в нем, и запрыгнуть никак было нельзя. Юпитер бесцеремонно толкал меня боком, стоило только попытаться сделать движение к стремени. Пришлось вести в поводу. Он не возражал, похоже, был очень доволен. Шумно дышал в лицо, тыкался губами в плечо в щеки, лицо, дергал зубами шапку, пытаюсь снять с головы, пробовал жевать полушубок, легонько прикусывал за руку. Я терпела, решив не пресекать грубо этот приступ игривого настроения, а, перехитрив, вывести его на дорогу. Так рядом дружно мы и вступили на нее. Вот и поселок. Из него как раз выезжают сани, а в них – Людмила, Анна и Бурый. Только придержал Марсианку, Юпитер шагнул было к ним, но тут мое терпение кончилось! «Не балуй!», – закричала я не своим голосом и хлестнула его по шее концом поводка, чем очень рассмешила Тольку. Пока Юпитер удивлялся, я села на него.

– Что, сбросил!? – Колька насмешливо улыбался. – Ему кнут нужен.

– Да нет, запалился, – соврала я. – Хочу, чтобы остыл немного.

Объяснять что-то было бесполезно – все равно не поймут.

– А бич надо кое-кому другому. Бесхозяйственному бригадиру, например.

Колька нахмурился и хотел сказать что-то, но тут Юпитер решил продолжить утренние выкрутасы и, подпрыгнув, понесся прямо по улице. Резкий поворот, скачок через забор во двор соседей, опять – через забор на улицу, скачок – мы снова во дворе других соседей, скачок – снова на улице. Наконец, наигравшись в «барьеры», конь круто развернулся и влетел в открытую калитку нашего двора, понесся на стену дома и резко остановился, как вкопанный, в полуметре от нее. Понимаю, что как наездницу он воспринимает меня без должного уважения. Ну что ж, зато мы – друзья. И я не могу сердиться: как виртуозно он все это проделал, как мгновенно загасил силу инерции перед самой стеной!

При всем своем взбалмошном характере, Юпитер приносил мне много радости. Не любоваться им было невозможно! Шея изогнута, голова посажена гордо – он похож на сказочного коня, каких изображают на шкатулках палехские мастера. А во время бега он был просто неотразим.

Закончилась эта история плохо. Не простил ему Толька Бурый своенравия и гордости. Меня, как молодого специалиста, отправили на учебу, потом на семинары. Потом пришлось долго лечить перелом лопатки, которую я сломала, перевернувшись на другом «скакуне» – мотоцикле. Юпитер все это время простаивал. Никто на нем не ездил. Я могла навещать его лишь изредка. В один из весенних вечеров, после того как я, угостив Юпитера хлебом и рафинадом, ушла, в коровнике объявился Толька Бурый – злой и решительный. С помощью недоумевающих пастухов он запряг жеребца в сани и погнал по дороге из села. Гонял он его несколько часов, до изнеможения. Утром процедура «обламывания характера» повторилась. Юпитер бился, пинался, лягался. Сани пострадали, но бригадира это не остановило – их заменили. А потом Бурый сел на Юпитера, шатающегося, едва стоящего на ногах, и поехал с гуртом скота, который переправляли на отгон. Измученный Юпитер прошел более полутора сотен километров, дважды скидывал своего мучителя, но Бурый решил, во что бы то ни стало «сломать» непокорного жеребца. Это было преступление, убийство! Когда я узнала обо всем, кинулась к генералу:

– Толька загнал Юпитера! Мне надо ехать на отгон! Как могла допустить Людмила?

– Погоди, не пори горячку. Завтра поедем, как раз собираемся, Людмила тоже едет.

Дорога была тряская. Генерал сидел ровно и, не мигая, смотрел вперед. Час, второй, третий – до отгона не близко. Наконец, показались вагончики. Генерал, наконец, нарушил молчание:

– Давай спокойно, без фокусов. Коня отправим в машине в совхоз.

Но спокойно не получилось. Юпитера боялись показывать. У Тольки был помятый вид, жалкий, как у побитой собаки. Когда я увидела Юпитера – его вели пастухи, – меня затрясло. Он хромал на все четыре ноги. Когда я подбежала к жеребцу, он положил мне голову на плечо и застонал. «Ревматическое воспаление копыт! Загнал! Поздно!» – пронеслось у меня в голове. Горло сжало. Я ничем не смогу тебе помочь, Юпитер! Сжав кулаки, я молча двинулась на Тольку, схватила за грудки, задыхаясь от ярости. По знаку генерала, подскочили пастухи, как-то оторвали меня от ненавистного бригадира, который потеряв свой обычный бравый вид, «забегал» глазами. Его вина была очевидна, но не Юпитера ему было жаль, за себя боялся: могли ведь стоимость племенного животного «повесить» и высчитывать потом из зарплаты. Если бы он сразу, не испугавшись ответственности, вызвал меня на отгон или хотя бы догадался поставить коня в мокрую глину то, возможно, жеребца еще можно бы было спасти, а теперь

если даже долго лечить, то в лучшем случае он просто будет доживать свой лошадиный век инвалидом.

Болеет Юпитер долго и мучительно. Часами лежал на траве, а этого не позволит себе ни одна уважающая себя лошадь. Неимоверно исхудавший и слабый, с гноящимися ранами на теле, он с трудом поднимался, увидев меня или маму, клал голову на плечи. Громко стонал, подавая ноги для обработки, – лечения. Кожа его нервно подергивалась от нестерпимой боли. В больших печальных глазах было страдание и тихий укор. По распоряжению главного зоотехника вскоре его забили и пустили на мясо. Об этом скороговоркой сообщила Людмила, встретившись со мной поутру на ферме, и добавила: «Там уже мясо продают, если будешь брать, иди скорее в контору». Я даже не смогла ей что-то ответить, просто смотрела с недоумением: неужели она совсем-совсем ничего не понимает?!

Когда мы собрались в кабинете директора – двое зоотехников, бригадир и я – он сказал, обращаясь к Людмиле:

– Ты должна согласовывать такие решения с главным ветврачом, тем более что рысак был закреплен за ней, как выездной. Получишь выговор. Племенная лошадь стоит дорого. Стоимость можно отнести, конечно, на счет бригадира. Выплачивать тогда придётся немаленькие деньги каждый месяц и в течение долгих лет.

Он помолчал минуту-две.

– Можно и списать коня. Это зависит, в основном, от ветврача.

Бурый потерянно молчал.

– Ну, как будем решать? – обратился ко мне генерал.

– Бригадир совершил и подлость, и преступление. Если бы речь шла только о нем, я бы, не задумываясь, вообще под суд его отдала. Но у него семья, дети. Наказание ведь по ним ударит. Пусть этот позор навсегда останется на его совести. Мстить Бурому я не буду. Списывайте – подпишу. – И, не спрашивая разрешения у генерала, я поднялась и вышла из кабинета.

С тех пор прошло много лет. И я еще тогда знала: у меня будут другие лошади, породистые и умные, красивые и верные, но такой не будет никогда. Так и произошло. И лошади, и люди встречались в жизни разные: норовистые и спокойные, энергичные и флегматичные, злые и добрые, яркие индивидуальности и слабозапоминающиеся «статисты». И я замечала, что нелюбовь, жестокость и страх по отношению к животным – как лакмусовая бумажка, выявляют в человеке внутреннюю черноту. От таких не жди ничего хорошего.

Вскоре после описанных событий я уехала из совхоза и узнавала о дальнейшей судьбе героев лишь по письмам подруги. Только Бурый, которого совхозные ребята прозвали после смерти Юпитера «палачом», уехал на Украину, там серьезно заболел и прожил недолго. Людмила и Анна по-прежнему работали в хозяйстве и предпочитали не вспоминать об истории с Юпитером. Генерал еще год руководил совхозом, потом один из его специалистов совершил крупное должностное преступление, и Ефим Андреевич, призывавший меня в свое время «не кипятиться», придя в ярость, едва не застрелил виновного. Скандал вышел большой, у генерала забарахлило сердце. Приехали его жена и дети и забрали с собой в Москву. А племенным животноводством больше в совхозе не занимались.

г. Семей

